

4
251
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 251 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XV**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1970

ПРЕДПОЛАГАЮТСЯ ЛИ ДЕТИ?

П. С. Рейфман

В статье Салтыкова «Как кому угодно», отражающей отношение писателя к идеям утопического социализма, к «теории страстей» Фурье, там, где речь идет о «краеугольных камнях», отвергаемых «присяжными людьми безнравственности» (т. е. сторонниками утопического социализма), затрагивается вопрос о детях. Автор, как бы надев на себя маску благонамеренного обывателя, «возмущается» выводами «этой ужасной теории», отрицающей долг, наследство и другие, по мнению мещанина, священные понятия. К числу их якобы принадлежит и понятие о детях: «А дети-то, милостивые государи! детей-то куда ж девать? «А детей», — скажут они... Тьфу!»; «Да и кто эти дети? Кто эти родители? О, боже! отцы большею частью неизвестны! Тьфу, тьфу и тьфу!»¹ Этими словами заканчивается статья. Ввиду того, что негодование автора, вызванное теорией «присяжных людей безнравственности», явно притворное, что он очевидно издевается над обывателем, приходящим от нее в ужас, можно предположить, что высказывание о детях знакомит нас с взглядами самого сатирика (ведь в других случаях, там, где говорится о долге, о наследстве, так оно и есть; когда «рассказчик» излагает, например, мнения «присяжных людей безнравственности» на семейные отношения, начинает звучать голос самого Салтыкова: «все взаимное недовольство, поселившееся в этом семействе, именно и происходит вследствие тех принудительных отношений, которые их связывают»²). Но в разговоре о детях дело обстоит по-иному. И вопрос благонамеренного «рассказчика» и его ответ от лица людей, проповедующих «ужасную теорию», — насмешка сатирика над ходячими представлениями о безнравственности «нигилистов», сторонников утопических учений, якобы отрицающих семью, брак.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч. в 20 тт., т. 6, М., 1968, стр. 445. В дальнейшем: М. Е. Салтыков-Щедрин, т. 6.

² Там же, стр. 444.

Идейные противники Салтыкова стремились доказать, что писатель и на самом деле решает проблему детей так, как решают ее, по убеждению благонамеренного «рассказчика», «люди присяжной безнравственности». В статье В. П. Боткина и А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» указывался один из «светильников quasi-нового учения», который на вопрос о судьбе детей в женско-мужских коммунах, заметил: «Детей не предполагается»³. В воспоминаниях Фета Салтыков прямо назван по имени; рассказывается, как он, расхваливая Тургеневу успех недавно возникших фаланстеров, на недоумение последнего: «А какая же участь ожидает детей?», ответил: «Детей не полагается».⁴

Е. И. Покусаев, процитировав упомянутые выше отрывки воспоминаний Фета и статьи о романе Чернышевского, приходит к справедливому выводу, что они ни в коей мере не дают реального представления о мнениях Салтыкова. Исследователь предполагает, что Фет в воспоминаниях «искаженно передал мысли сатирика, встречающиеся в очерке «Как кому угодно», в котором Салтыков вложил слова о детях «в уста ordinарного противника социализма — тоже своего рода Фета».⁵

Высказывались мнения, что Фет извратил происходившее или просто придумал рассказанный в воспоминаниях эпизод. Об этом говорилось в библиографическом отделе «Русской мысли» сразу же после публикации соответствующих разделов воспоминаний Фета в «Русском обозрении».⁶ О том, что к словам Фета о Салтыкове нужно относиться с осторожностью, шла речь неоднократно и позднее.⁷

Придя к заключению, что в очерке «Как кому угодно», говоря о детях, сатирик высмеивает ходячие представления обывателей, можно утверждать, что и эпизод, приведенный Фетом, имел тот же смысл, если этот эпизод был на самом деле. Слова Салтыкова о детях, если писатель действительно произнес их, содержали ту же насмешку, что и концовка его статьи «Как кому угодно». Но противники сатирика приняли, или сделали вид, что приняли, его рассуждения всерьез, использовали их, чтобы обвинить еще раз сторонников идей утопического социализма в безнравственности, чтобы возвести еще одну клевету на Салтыкова.

³ «Лит. наследство», т. 25—26, М., 1936, стр. 489.

⁴ А. Фет, Мои воспоминания, ч. 1, М., 1890, стр. 367—368.

⁵ Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, Саратов, 1957, стр. 200.

⁶ «Русская мысль», 1890, № 3, отд. XXI, стр. 149. Возражения, высказанные в «Русской мысли», совершенно не убедительны. Они сводятся к тому, что Салтыков, якобы отрицательно относившийся к фурьеризму, не мог пропагандировать его теорий. Но само сомнение, сразу же вызванное рассказом Фета, весьма знаменательно.

⁷ «Шестидесятые годы», М.-Л., 1933, стр. 488—489, «Лит. наследство», т. 25—26, стр. 538; М. Е. Салтыков-Щедрин, т. 6, стр. 687.

Очевидно, что разговор, переданный Фетом, если он не выдуман, и окончание «Как кому угодно» связаны между собой. Выше приводилось мнение Е. И. Покусаева, что воспоминания Фета — искаженный отклик на очерк Салтыкова. Возможны и иные предположения. И конец очерка и разговор, если последний не выдуман, можно объяснить как параллельные отзывы сатирика на раздражавшие его толки об аморальности сторонников утопического социализма. Наконец, сам разговор или слухи о нем могли стать поводом к созданию концовки очерка «Как кому угодно» и эпизода о «светильнике» в статье Боткина и Фета.

Рассказ о детях в воспоминаниях Фета вполне допустимо истолковать, как искаженный отклик на очерк Салтыкова, но такому истолкованию противоречит упоминание в статье Боткина и Фета о романе «Что делать?» одного из «светильников quasi-нового учения». Видимо, и в статье и в воспоминаниях речь идет об одном и том же случае, об одном и том же лице. Статья же создана летом 1863 г. Замысел ее возник весной, во время посещения Боткиным и Фетом в Москве Каткова, когда с негодованием обсуждался только что напечатанный роман «Что делать?»⁸. Восьмого августа 1863 г. Боткин сообщил Фету из Москвы, что Катков получил статью, но еще не читал ее. 21-го августа Боткин писал, что Катков охладел к статье.⁹ Все это происходило до того, как очерк «Как кому угодно» появился в № 8 «Современника» (ценз. разр. 7. IX, вып. в свет 13. IX 1863 г.). Следовательно, обвинение в адрес Салтыкова высказано до публикации его очерка, а разговор, изображенный Фетом, если признать его состоявшимся, произошел не позднее лета 1863 г.

Фет рассказывает, что он, при встрече Тургенева и Салтыкова, углубился в чтение газеты «Голос». Если последняя деталь верна («Голос» выходил с начала 1863 г.), встречу Тургенева, Салтыкова и Фета можно датировать первой половиной 1863 г. Многие говорят в пользу такой датировки, в частности то, что как раз в указанное время, непосредственно после появления романа «Что делать?», велись самые горячие дискуссии по затронутым Чернышевским проблемам. Однако, в воспоминаниях Фета ничего не сообщается о посещении им в первую половину 1863 г. Петербурга, хотя события жизни поэта, относящиеся к рассматриваемому периоду, освещены довольно подробно. Встреча не могла состояться и потому, что в 1863 г. Тургенев не жил не только в Петербурге, но и вообще в России. Он уехал за границу осенью 1861 г., в 1862 г. он пробыл неделю в Петербурге в начале лета, направляясь в Спасское, и один день (4-е августа),

⁸ А. Фет, Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, стр. 429, 430—431.

⁹ Там же, стр. 435, 436.

возвращаясь оттуда. Фета в Петербурге в это время не было. С Тургеневым он встретился, когда тот приехал в Спасское. Даже если отбросить деталь с «Голосом» (Фет мог перепутать название газеты), петербургское свидание с Тургеневым не только в 1863, но и в 1862 г. почти наверняка исключено. Ранее же встреча, о которой говорит Фет, вряд ли могла состояться: жаркие споры о коммунах завязались в Петербурге как раз около 1863 г.

Все сказанное, если и не исключает встречи, о которой идет речь в воспоминаниях, то делает ее мало вероятной. И тем не менее, нельзя утверждать, что эпизод просто выдуман Фетом и Боткиным. Иначе непонятно, как мог Салтыков дать переключившуюся с этим эпизодом концовку очерка «Как кому угодно»: ведь статья Боткина и Фета не была напечатана. Вернее всего, имелся какой-то общий повод, обусловивший и концовку очерка «Как кому угодно» и пасквильный выпад в адрес Салтыкова в статье Боткина и Фета.

Очерк «Как кому угодно» тесно связан с идеями романа Чернышевского «Что делать?». Сатирик сам указывал на это. Об этом писали его противники. Исследователи упоминали об определенной полемичности очерка Салтыкова по отношению к роману Чернышевского.¹⁰ Не отрицая такой полемичности, следует признать, что в главном Салтыков выступал в очерке не оппонентом, а единомышленником Чернышевского.¹¹ Думается, что и слова о детях также определены толками о романе. В них тоже заключена известная полемичность по отношению к Чернышевскому и одновременно защита его от нападков противника. Не случайно эти слова приводятся в откликах, так или иначе вызванных борьбой вокруг романа «Что делать?» (статья Боткина и Фета, очерк «Как кому угодно», статья «Роман на берегах Невы», о которой пойдет речь ниже).

Слухи о безнравственности «нигилистов» были широко распространены в обществе и усиленно пропагандировались антинигилистической литературой. В духе подобных обвинений истолковывался и роман «Что делать?» Отрицание Чернышевским старой лицемерной морали осмыслялось его противниками как проповедь разврата, ненужности брака, семьи, а следовательно, и детей. Для последнего вывода у опровергателей Чернышевского нашлись некоторые основания, хотя в целом, конечно, точка зрения автора «Что делать?» по вопросу о детях совершенно

---

¹⁰ Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, стр. 202; М. Е. Салтыков-Щедрин, т. 6, стр. 682.

¹¹ Взаимоотношения Салтыкова-Щедрин и Чернышевского рассматриваются в статье Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин», Уч. зап. Саратовского ун-та, т. XIX, 1948. Некоторые проблемы, связанные с названной темой, затронуты мною в статье «Щедрин и Чернышевский», Уч. зап. ТГУ, вып. 209, Тарту 1968.

искажалась. Как известно, Лопухов и Вера Павловна не имеют детей, появление которых весьма бы усложнило решение намеченной в романе ситуации. Чернышевский ставит проблему новых семейных отношений как бы в чистом виде, намеренно несколько упрощая ее, избегая всего, что могло бы мешать разрыву Лопухова и Веры Павловны, затруднить действия в духе пропагандируемой им теории «разумного эгоизма». Такое, несколько абстрактное, отвлеченное от конкретной жизни, решение, естественно, вызывало у противников Чернышевского вопрос: предположим, что в данной в романе ситуации все решается легко и просто, но как же быть, когда появятся дети? Вы, дескать, упрощаете; жизнь сразу же покажет неосуществимость ваших теорий на практике. Такой корректив в намеченную Чернышевским ситуацию должно было внести существование детей.

Сама постановка вопроса: «Где же дети?», выдвинутого теми, в ком теории Чернышевского вызывали протест, в значительной степени закономерна; в ней содержалось рациональное зерно, хотя возможное существование детей, усложняя ситуацию, нарицательную Чернышевским, не подрывало сущности его взглядов на семейные отношения. Однако, противники романа «Что делать?» не останавливались на постановке вопроса о детях; они давали на него ответ, переводя полемику в пасквильную тональность: детей по этой теории не полагается, она проповедует разврат. Подобный ответ являлся уже чистой клеветой на Чернышевского, на взгляды революционных демократов. Такая клевета распространялась весьма усиленно. Так, например, Н. Соловьев в статье «Принципы жизни» упоминал о партии, якобы существующей в русской литературе, стремящейся к пропаганде такого отношения между полами, «где бы к ужасу всякого порядочного человека существовало правило, не спрашивать — чья жена, чей муж, чье дитя».^{11а} Даже отнюдь не революционные «С.-Петербургские ведомости», процитировав слова Соловьева, назвали их «просто бредом», клеветой, так как «никогда, нигде ничего подобного в нашей литературе не говорилось».¹²

Соловьев не был одинок. С подобными же нападками на «нигилистов» выступали и многие другие. В № 2 «Современной летописи» за 1864 г. напечатана редакционная неподписанная статья «Роман на берегах Невы», направленная против повести Леона Бранди (Л. И. Мечникова) «Смелый шаг» («Современник», 1863, № 11). Автор статьи сблизил повесть с романом «Что делать?»: «Не касаясь пока обширной эпопеи петербургских коммуна, романа «Что делать?», считаем не лишним и даже своевременным обратить внимание читателей на небольшое произведение того же духа»¹³. Давая характеристику «философии раст-

^{11а} «Всемирный труд», 1867, т. 1, стр. 176.

¹² «С.-Петербургские ведомости», 1867, № 14.

¹³ «Современная летопись», 1864, № 2, стр. 12.

ления», якобы проповедуемой Чернышевским и его сторонниками, автор статьи затрагивал вопрос о детях. Он напоминал слова сына фонвизинского Бригадира, обращенные к отцу: «Когда щенок не обязан уважать того пса, кто был его отец, то обязан ли я вам хоть малейшим уважением»¹⁴. Приведенные слова, по мысли редакции «Современной летописи», могли бы «служить прекраснейшим эпиграфом к новейшим произведениям, в которых развиваются тенденции новой философии»¹⁵. Подробно пересказав содержание повести «Смелый шаг», автор статьи переходит к выводу: «Об одном лишь умалчивают певцы новой упрощенной нравственности: о детях. Неумолимая природа не ко всем так снисходительна, как к этим Лизанькам, Верочкам, которые, по воле судьбы или авторов, остаются свободными от пошлых отношений матери к детям. Без сомнения, новое учение легче прилагается без детей. Но, вероятно, это обстоятельство не упущено из виду проповедниками новой философии; поэты и учителя «Современника» не преминут, конечно, просветить отсталые взгляды читателей относительно этого предмета»¹⁶. Приведенные рассуждения, видимо, можно рассматривать не только как пасквильный отклик на идеи романа «Что делать?», но и как отголосок на слова Салтыкова о детях. Характерно, что вообще значительная часть статьи «Роман на берегах Невы» посвящена резкой полемике с Салтыковым. Осуждаются его высказывания о цензуре, положения ноябрьской хроники «Нашей общественной жизни» за 1863 г. Вероятно, что в статье «Роман на берегах Невы», там, где речь идет о детях, автор имеет в виду и концовку очерка «Как кому угодно». Но об обвинении, высказанном в адрес Салтыкова по вопросу о детях, Катков знал до того, как очерк «Как кому угодно» попал в печать. Статья Боткина и Фета, в которой это обвинение было сформулировано, попала в руки Каткова к началу августа 1863 г. Возможно, уже весной того же года, когда Боткин и Фет посетили Каткова и вместе с ним негодовали по поводу романа «Что делать?», говорилось, будто бы Салтыков не «предполагает» детей. Не исключено, что Катков играл значительную роль в распространении, а, может быть, и в создании подобных слухов, что статья «Роман на берегах Невы» явилась одновременным отзывом и на слухи и на очерк «Как кому угодно».

Распространяемые слухи могли иметь какое-либо основание. Сатирик, пронизывая над противниками идей Чернышевского, понимая в то же время известную схематичность решения в романе вопроса о детях, мог где-нибудь заявить, что детей по новой теории «не предполагается», а затем, высмеивая испуганного

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 13. Лизанька — героиня повести «Смелый шаг», Верочка — Вера Павловна из романа «Что делать?».

обывателя, повторить свое заявление в очерке «Как кому угодно». Ему могли и приписать слова о детях. Но в таком случае, для почти одновременного появления и в очерке «Как кому угодно» и в статье Боткина — Фета откликов на выдуманный слух, Салтыков должен был знать о нем. Фету же, вероятно, кто-то (не исключено, что Катков) говорил о «безобразном» ответе Салтыкова. Много лет спустя, возможно, не стремясь сознательно к искажению, Фет расцветил рассказ деталями, ввел в него Тургенева, сделал себя участником встречи.